

Blalock Hubert M. POWER AND CONFLICT: TOWARD A GENERAL THEORY. Newburg Pare—London—New Delhi: Sage publications, 1989. 265 p.

Блейлок Губерт М. ВЛАСТЬ И КОНФЛИКТ: К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ. Ньюбург Парк—Лондон—Нью-Дели: Сейдж пабликэйшионз, 1989. 265 с.

К числу наиболее распространенных явлений нашей действительности следует отнести общественные конфликты. Сегодняшняя социальная практика испытывает острую потребность научного анализа этого феномена. В течение долгого времени проблематика конфликтов, за исключением межличностных и отчасти внутригрупповых, находилась на периферии внимания отечественного общественнознания. Вот почему несомненный интерес вызывает книга Губерта Блейлока — известного американского социолога, профессора Вашингтонского университета.

В ней не ставится задача энциклопедического охвата изданной литературы по конфликтам, детального осмысления приемов их конкретного разрешения. На основе междисциплинарного подхода автор делает попытку синтезировать то общее, что присуще им в различных сферах. Аналитический фокус сосредоточивается на процессе конфликта, изучении взаимодействия факторов и обстоятельств, детерминирующих как успешное его преодоление, так и формирование ситуаций чрезвычайных потерь всеми конфликтующими участниками или отсутствия эффективных изменений в статус-кво.

Свое исследование ученый реализует в рамках так называемого каузального моделирования. Целесообразность последнего связана с определенным противоречием между необходимостью при анализе конфликта охватить большую совокупность потенциальных и реальных взаимосцеплений — с одной стороны, и ограниченными в этом аспекте познавательными возможностями сложных дискурсивных теорий — с другой. Освободиться от этого противоречия удается, по мнению автора, с помощью причинных диаграмм, содержащих весьма богатую информацию в компактной форме.

Под конфликтом Блейлок понимает «конкретный взаимный обмен негативными санкциями или карающим поведением двух и более партий». Причем термин «партия» интерпретируется в чрезвычайно широком контексте и обнимает весь

возможный континуум субъектов противостояния — от индивида до государства. Рассматривая в этой связи позиции других исследователей (в частности, Р. Дарендорфа, Дж. Химеса), он замечает, что «проблема сейчас не в существовании множества теоретических подходов, а скорее в недостатке адекватного эмпирического анализа в сопоставимых показателях конфликта» (р. 9).

В конструировании моделей конфликта Блейлок отталкивается от одной из центральных составляющих — понятия власти. Здесь, опираясь на представления о зависимости, власть трактуется как сложная функция переменных трех типов: ресурсов, уровня их мобилизации, эффективности усилий по мобилизации ресурсов. В основании всего последующего изложения лежит посылка о том, что поведение сторон в конфликте осуществляется в соответствии с оценкой ими возможной альтернативы. При этом задача каждой из них — максимизация целевой функции или функции полезности. Показательной характеристикой «методологических координат» исследователя является ответ на вопрос о причинах использования элементов теории рационального действия.

Ведь, казалось бы, очевидна их уязвимость с точки зрения неполноты и сложности эмпирической проверки. На его взгляд, эти проблемы должны решаться за счет расширения спектра переменных и усложнения самой модели.

Выделяются наиболее общие типы целей, преследуемые сторонами конфликтного процесса: совпадающие цели сторон; цели, достигаемые за счет другой стороны; косвенные цели участников конфликта. Каждая из них характеризуется разным весом или значимостью, а также различной субъективной вероятностью достижения для любого участника. Наполняя очерченные формальные подходы конкретным содержанием, Блейлок на ряде примеров анализирует проблему несоответствия высоких предварительных ожиданий и слабой их реализации, возникновения отчуждения как конфликтной основы. Кроме того,

вскрывает факторы, влияющие на внутрипартийную солидарность в ходе конфликта.

Анализ собственно конфликта происходит сквозь призму того, как поведение одной стороны вызывает ответы другой и каким образом результирующее взаимодействие может быть изучено в виде динамического процесса. Подчеркивается, что конфликты неодинаковы по своей природе, формам развития и протекания. Один из эффективных познавательных способов, возможности которого целесообразно, считает автор, принять во внимание, — функциональные математические модели конфликтов.

С целью «приближения» исследования к социальной реальности Блейлок включает в предлагаемую причинную модель конфликта следующие сложные переменные: «усталость» — характеристика уровня истощения ресурсов каждого из участвующих в конфликте; «чувствительность» — мера реакции партии X на изменения в карающем поведении партии Y; «обίδα» — описание укоренившихся предубеждений, застарелых неудовлетворенных амбиций; «прощение» — учет того, что партия X по прошествии времени допускает «прощение» неприемлемых для нее ранее действий партии Y. Естественно, что конкретное «наполнение» переменных на каждом уровне анализа конфликтной обстановки нуждается и в переформулировке, и в существенном дополнении. Поскольку действия конфликтующих сторон не всегда строго симметричны, важно, согласно автору, иметь в виду модель, предложенную Б. Салертом и Дж. Спрагом, которые попытались отразить тот факт, что поведение подчиненной партии сочетает реакции на карающие санкции, предпринимаемые более властной партией. В то же время ответы этой последней ориентируются зачастую на поддержание необходимого уровня социального контроля. Для модификации модели Блейлок вводит такие показатели как временной период и число занятых в конфликтной акции.

Модель теории устрашения раскрывается в качестве альтернативы модели гонки вооружений. Суть ее состоит в следующем. При определенных условиях конфликтующие стороны воздерживаются от применения своего потенциала из-за боязни наказания или неминуемой расплаты. Субъективными факторами при этом предстают: доверие, высокий уровень рациональности каждой из сторон, различие в уровне их силы. Другим типом поведения служит пресловутая стратегия «око за око», предполагающая взаимный обмен приблизительно одинаковыми по значимости действиями. Механика этого поведенческого типа описывается моделями, основывающимися на аппарате теории игр. Анализируются возможности использования для моделирования конфликта известной методологии «Prisoners Dilemma Game», получившей серьезную разработку, в частности, в работах Р. Аксельрода (р. 91—95).

Суммировать вышесказанное Блейлок стремится через построение общей каузальной модели конфликтных процессов, для чего вводит четыре категории переменных: 1) цели, ресурсы, зависимость; 2) нормы, принуждение, усталость, уязвимость; 3) доверие, прощение, чувствительность; 4) мотивация и реальное карающее поведение. Каждая из перечисленных категорий в свою очередь состоит из нескольких переменных, и общая причинная модель, таким образом, включает в себя 40 переменных. По существу, задача модели заключается в объединении посредством сложной системы показателей таких характеристик конфликта, как власть и мобилизация, с одной стороны, и процессы реакции на действия, а также контроля — с другой.

«Если взглянуть на любой сложный исторический феномен, — пишет Блейлок — будь то рост национализма, империализма или колониализма, становится очевидной их связь с идеологическими координатами» (р. 136). Практически все исследователи признают важность влияния веры и других «нерациональных компонент» на конфликтные процессы. Однако классические работы, посвященные анализу идеологий, страдают описательностью и почти не содержат разработки вопроса идеологического давления на конфликтное поведение.

Автор полагает возможным на основе широкой ретроспекции выделить собственно идеологических компонент конфликта, общих для различных исторических феноменов. Внимание исследователей, по Блейлоку, должно быть сосредоточено на поиске причинных зависимостей между этими компонентами, меры их использования для прогнозирования особенностей его развертывания в целом.

Отмечая серьезные трудности методического порядка, связанные прежде всего с квантификацией и измерением идеологических составляющих конфликта, автор, тем не менее, не считает это причиной для отказа от их разбора в лоне своей модели. На основе изучения совокупности работ, посвященных различным аспектам идеологии, выделяются 14 идеологических переменных-показателей с целью включения в общую причинную модель: 1) простота; 2) фатализм; 3) обоснование активности вступивших в конфликт; 4) изоляция от альтернативных идеологических систем; 5) согласованность с объективными интересами конфликтующих участников; 6) этноцентризм; 7) настойчивость в обвинении противоположной стороны; 8) поддержка карающих ответов; 9) дихотомичность и жесткие границы; 10) мера неопределенности; 11) гибкость; 12) преданность лидеру; 13) акцент на коллективные цели; 14) способность к охвату (привлечению в свои ряды). Перечисленные переменные образуют три подгруппы (1—5), (6—9), (10—14), которые с различным знаком связаны внутри и между собой, а также с другими элементами общей причинной модели (р. 179).

В книге довольно подробно освещается влияние партийной однородности на протекание конфликта, роль и функции в нем экстремистских групп, их генезис, состав, идеология, а также структурные факторы поддержания конфликтной ситуации: распределение цены успеха и выгоды, мобильность возможностей, отношения с коалиционными партиями, пространственное разделение с оппонентами (р. 185—190).

Резюмируя, Блейлок приводит итоговую причинную модель нагнетания и прекращения конфликта, объединяющую все рассмотренные выше переменные. При этом, как указывает он, модель механизма конфликта дается лишь схематически и в такой форме непригодна для использования в социальной практике, однако тщательный анализ внешних и внутренних причинных факторов может обеспечить немалую практическую значимость рекомендаций по контролю над конфликтными процессами. Обращает на себя внимание обширная библиография по конфликтологии, которая помещена в заключительном разделе.

Каковы же впечатления от книги, и в какой степени достигнута поставленная автором цель — предложить читателю материал, убедительно раскрывающий общую теорию конфликта? Однозначный ответ дать трудно, что связано не столько с содержанием работы, вместившем в себя, конечно же, много полезного, сколько со следующим обстоятельством.

Как известно, в социологическом познании бытуют различные точки зрения на теорию, ее назначение, задачи. Поэтому вполне правомерно говорить о весьма тщательной разработке проблематики конфликта в рамках социологической теории, очерченных самим автором. Здесь Блейлок исходит из достаточно широко распространенного в западной эмпирической социологии представления о том, что предметом научного исследования служат Достоверные факты социальной реальности, а наилучшим познавательным средством является эмпирико-дедуктивная теория. В ходе изложения автор строго придерживается центральной методологической посылки: «общая теория конфликтных процессов в принципе должна включать в себя важнейшие стороны большого числа более частных теорий, разрабатывающихся на основе различных перспектив. Однако разрешение главной проблемы — какие из переменных заслуживают включения в общую конф-

ликтную модель, а какие нет, должно происходить на базе эмпирической проверки» (р. 3).

В этой связи надо отметить, что предложенная каузальная модель, отражающая, по замыслу Блейлока, логику организации общей теории конфликта, охватывает обширный круг причинных переменных. Причем все они важны для характеристики изучаемого предмета. Нельзя не принять во внимание и его готовность избегать крайностей эмпиризма, видеть сложность конкретной общественно-политической данности, учитывать результаты сравнительно-исторического дискурса, признать вероятность в осуществляемом моделировании изначально неверифицируемых терминов.

Вместе с тем, что произойдет, если отвлечься от предваряющих исследовательских координат, устанавливаемых автором? В этом случае появляются проблемы, «традиционно» возникающие при обсуждении недостатков «нефеноменологических» теорий. Среди них, например, недостаточное внимание к методологическим основам построения модели, отсутствие возможности реконструкции восприятия ею конкретной социальной действительности, что, соответственно, приводит к вопросу о ее познавательной ценности.

Принятая в монографии трактовка конфликта и власти усиливает акцент на анализ составляющих и переменных, практически обходя тему социально-экономических причин общественных и политических противоречий. Таким образом происходит известное абстрагирование от сущностных причин конфликтов в противовес изучению форм реализации властных отношений. Но даже в этом случае остается неясным, с помощью каких процедур осуществляется верификация многих из обозначенных в причинной модели переменных.

Видимо, нам нет резона отказываться от обогащения собственного исследовательского потенциала через критическое освоение различных теоретических позиций. В рецензируемой работе, как представляется, содержится ряд ценных положений, которые целесообразно учитывать в осмыслении отечественного социально-политического опыта. В первую очередь это касается возможностей получившей обоснование системы показателей, адаптации математического аппарата, ориентированного на выполнение прогнозных задач.

М.М. НАЗАРОВ .

Проблема наций и национального сознания активно разрабатывается в социологии. Однако усложняющаяся общественная жизнь, обострение межнациональных конфликтов требуют теоретического осмысления проблем национального развития, выявления новых его аспектов, критического переосмысления устоявшихся воззрений на специфику национального самосознания. Возможно сейчас как никогда раньше необходим анализ опыта других стран, достигших известных успехов в урегулировании этих проблем.

Несомненным достоинством рецензируемой монографии является установка на комплексное исследование феномена американского национального самосознания. Анализ его специфики предваряется характеристикой предпосылок и условий формирования американской нации.

Общностью территории, экономических интересов, языка, своеобразные культурные и духовные элементы жизни североамериканских колонистов, сформировавшиеся в конце XVIII в., составляют основу американской нации. Эти положения в книге детально не раскрываются, но отмечается спорность некоторых из них. В частности, ряд буржуазных авторов вообще не считает нужным говорить о самобытности нации, поскольку, по их мнению, американцы не имеют глубоких традиций и обычаев, и их духовная жизнь тесно связана с культурой Великобритании (с. 10). Очень жаль, что не согласившись с подобным утверждением, автор не развил свою точку зрения и перешел к анализу других факторов формирования американской нации. Он подчеркивает, что важным моментом этого процесса стало закрепление в 1819 г. границ владений США и «американизация» иммигрантов.

В монографии достаточно подробно рассматривается эволюция «концепции границ», суть которой заключается в том, что понятие «граница» географически и социально подвижно, способствует постоянному возрождению цивилизации на Западе, созданию «райского сада» на «свободных землях», реализации возможностей, достижению желаний каждого человека.

К.С. Гаджиев отмечает, что освоение «пограничья» способствовало формированию в сознании американцев различных символов и стереотипов, среди которых приоритетным стал образ свободного, здорового, благородного фермера, постепенно трансформированный в аграрный миф, а впоследствии — в национальную идеологию. По мнению автора, это помогло преодолеть комплекс «провинциализма в области литературы и искусства» и одновременно шовинистические, некритичные в своей оценке представления об американских достижениях, умонастроения —

с одной стороны, а с другой — неприятие Европой американской культуры (с. 22—27).

Привлекает широта использованного в книге материала, обилие цитируемых первоисточников, профессиональное владение проблемой. Рассчитанное на широкий круг читателей исследование, очевидно, должно носить просветительский характер, с чем автор в целом справился. Однако некоторая фрагментарность изложения и «разрыв» проблем, на наш взгляд, могут затруднить восприятие. Например, роль аграрного большинства рассматривается в первой главе в различных аспектах, но целостного впечатления не остается. К сожалению, это характерно для всей монографии, что приводит к повторам и некоторой сумбужности изложения.

Одна из глав посвящена роли религии в формировании национального самосознания. Эта проблема вызывает особый интерес у автора, он возвращается к ней неоднократно и неслучайно: роль религии в общественно-политической жизни страны всегда была активна. Американская цивилизация, по выражению А. де Токвиля, — результат двух противоречивых элементов: свободы и религии. Последняя, как первый американский политический институт и важный ограничитель, способствовала направлению интересов американцев в нужное русло, осознанию общественного долга, коммерческих возможностей и, в конечном счете, защите республиканского режима (с. 34—37).

Сравнительный анализ данных опроса общественного мнения в развитых капиталистических странах позволял автору сделать вывод о традиционно высокой религиозности американцев. Но религия в США, подчеркивает он, довольно приземленная и призвана содействовать достижению успеха. Она утилитарна и прагматична, полезна и необременительна (с. 38, 50—53).

На богатом историческом материале раскрывается в монографии панорама релягиозной жизни страны и рассматриваются особенности различных религиозных течений. Начиная с XVIII и вплоть до 50-х годов нашего века господствующее положение занимал протестантизм. Ныне ситуация меняется в сторону сближения позиций различных церквей.

Американский протестантизм — сложное, неоднозначное явление, выступающее в различных формах, но с четко выраженными тенденциями: либеральной и консервативной, основные положения которых сформулированы в концепция «гражданской религии» и евангелисте ком фундаментализме.

Первая — религия морали и добродетели —, по определению Г.С. Коммейджера, универсальна и состоит в вере не в конкретного бога, а в божественное начало (с. 43). Американскому про-

тестантизму никогда не был чужд рационализм и этот факт сыграл решающую роль в процессе его адаптации к быстро меняющейся социальной действительности, к формированию либеральных воззрений, провозгласивших самостоятельность человека и религиозную терпимость, к различным модификациям доктрин и девальвации традиционных религиозных форм. Пример — появление и популярность различных теологий: надежды, революции, освобождения и т.п.

Вторая концепция — фундаментализм, представляющий скорее не систему, а определенный настрой ума, проявляющийся в неприятии новых идей, общественных изменений, ортодоксальном толковании Библии и т.п.

Обращение к истории и обобщение значительного конкретного материала позволили автору сделать и обосновать ряд выводов. О сложности и неоднозначности религиозной жизни Америки, о своеобразном «сейсмическом сдвиге» (М. Марти) — падении влияния либерального протестантизма в возрастании роли католической, иудейской и других церквей, протестантского фундаментализма и возникновении нетрадиционных культов. И о характерном «возврате к священному» (Д. Белл), к стабильным ценностям (с. 46).

Анализируя процесс формирования американского национального самосознания автор вводит понятие «американизм», определяя его как сложный комплекс противоречивых элементов: вера в прогресс соседствует с преданностью общественно-политическим институтам, а творческие силы человека — с убежденностью в нежелательности изменения этих институтов (с. 36). Он дает развернутую характеристику этого феномена и в качестве базового компонента выделяет идею индивидуальной свободы и индивидуализм.

К.С. Гаджиев делает попытку найти истоки формирования идеала безразличного, своекорыстного человека. Он отмечает, что для первых поселенцев Америки были характерны стандартизация и аскетизм образа жизни, насаждение единоверия в каждой общине, суровое искоренение инакомыслия и подчинение каждой общины единому идеалу. Развитие экономической системы страны определялось общим стремлением и последовательным воплощением в реальность доктрины призвания, согласно которой каждый человек в этом мире призван защищать интересы общества, и с чем большим старанием он будет это делать (не избегая, впрочем, мирских радостей и искушений), тем ценнее его труд (с. 61—62).

Углубление социально-экономических процессов и политика таких деятелей как А. Гамильтон, Г. Клей, Т. Джефферсон подготовили глобальные общественные изменения: на смену прежним отношениям пришли рыночные, кардинально меняется концепция собственности, ставшей естественным правом человека, происходит отказ от прежних социальных норм, формируется идеал

успеха, предпринимательства, свободного экономического человека, расчетливого и упорного. Утвердившись, этот идеал превратился в основополагающий принцип американского общества и поднялся до уровня жизненного стандарта. Однако кредо индивидуализма на протяжении всей истории Америки является лишь идеальной целью, а не фактом социальной действительности (с. 68, 89). Такова логика рассуждений К.С. Гаджиева об изменении роли и места человека в американском обществе, становлении индивидуализма и формировании его идеологии.

Обилие использованной литературы, стилевые находки, беспристрастность анализа — черты, характерные для монографии в целом и главы, посвященной феномену американизма, в частности — поднимают доверие к исследованию, расширяют горизонт познания. Но определенных комментариев и более детального обоснования ряда тезисов явно недостает. Выводы о потребительском отношении к науке, о пренебрежительном отношении к интеллектуалам, о тотальном господстве «модели предпринимательской субъективности», развивающей утилитаризм, прагматизм и одномерность мышления «среднего американца», проявляющиеся во всех сферах, даже в отношении к искусству и образованию, вписываются в замысел общей концепции монографии, но на наш взгляд, недостаточно аргументированы. В рамках анализа американского национального самосознания рассматривается место и значение идеи национальной исключительности. Возникновению и упрочению данного убеждения способствовали, по мнению автора, горячее желание первых поселенцев создать «новые небеса и новую землю», высокие оценки молодой республики прогрессивными европейскими мыслителями (Вольтером, Т. Мором и др.), различные теории — от договорной теологии, провозгласившей избранность американского народа, завершающего эстафету поколений от Авраама, до концепции «нацииспасительницы» (XVIII в.) и доктрины «предопределения судьбы» (XIX в.), я той или иной степени получившие воплощение в реальной политике США.

Идея «американской исключительности» анализируется автором в нескольких плоскостях: как вариант национализма и шовинизма, проявившийся в крайних формах расовой сегрегации и «этническом аристократизме», и как изначально противоречивое духовное образование, совмещающее идеи гуманизма, свободы, возрождения всего человечества с глобальной миссионерской функцией Америки и одновременно изоляционизм, проповедующий идею сохранения «американского эксперимента». Важно, что К.С. Гаджиев не ограничился уточнением основных элементов, а раскрыл их амбивалентную сущность, динамику и те формы, которые идея американской исключительности приняла после второй мировой войны.

Определяя ее основные положения, воплощенные в разработках представителей консенсусной школы, он не просто обрисовывает контуры конкретных теорий, а, насколько позволяют объем монографии и задачи исследования, раскрывает специфику новой формы идеи исключительности и наметившуюся в последние десятилетия неустойчивость веры в уникальность Америки.

Характеристику указанных выше феноменов нельзя считать полной без анализа факторов, определяющих низкую популярность в США социалистических и коммунистических идей. Опираясь на мнения известных западных обществоведов, используя исторические факты, автор пытается дать свое объяснение этой исторической реальности, особенно если учесть, что Америка — это «Родина Первого Мая».

Отдельные главы посвящены характеристике символов и идеалов американцев, истории их появления и причинам смены, а также анализу политической культуры США. При этом используется богатый справочный материал. Интересно, что в монографии не воспроизводятся уже известные характеристики, а выделяется довольно своеобразное видение проблемы, где политическая культура выступает звеном между социально-политическими интересами людей и их политическим поведением, не детерминируя, а способствуя его формированию (с. 180). Особое внимание К.С. Гаджиев уделяет детальной характеристике партийной структуры США, изучению процесса возникновения, функционирования, взаимоотношений основных политических партий.

Главной причиной возникновения и основой их конкуренции, по мнению автора, являются федералистская структура политической системы и реальное воплощение идеи географического представительства, социальное расслоение общества, неоднородность буржуазии, различие интересов основных ее группировок (с. 182—185).

К сожалению, очень кратко раскрывается в книге вопрос взаимоотношений молодых партий, их эволюция от консенсуса до размежевания и конкуренции. Водоразделом расхождения явилась проблема государственного устройства. «Фе-

дералисты», представляющие имущие слои населения, отстаивают идею сильного центра. Их основные оппоненты — республиканцы — выражают интересы менее обеспеченных групп населения и выступают за расширение прав штатов. Исторический экскурс помогает автору перейти к характеристике двух основных буржуазных партий, рассмотреть типы межпартийной конкуренции.

Анализ партийной структуры, безусловно, содержателен, но не ясна связь деятельности партий и механизма функционирования политической культуры, а переход к характеристике основных мировоззренческих ее компонентов — либерализма и консерватизма — на наш взгляд, не совсем подготовлен, хотя суждения интересны. Сердцевина американской политической культуры — либерализм — признает верховенство свободы и независимости отдельного человека, свободный рынок и конкуренцию, главенство закона и такой деятельности государства, которая способствует стабилизации порядка ■ созданию условий для творческой деятельности людей. Подобные взгляды получили свое завершение в идее идеологического и политического плюрализма, парламентаризма.

Консерватизм, в отличие от либерализма, явление более сложное, представляющее, с одной стороны, защитную реакцию средних и мелких слоев населения, а с другой — идеологию привилегированного класса, стремящегося сохранить достигнутое. Он довольно противоречив, и его характерными чертами являются эклектизм и прагматизм, с одной стороны, и склонность к динамике, к восприятию новых идей и принципов, с другой. В качестве аргумента в пользу последнего положения автор приводит наличие либерально-консервативного консенсуса по ряду вопросов, сформировавшегося в 50-е годы нашего столетия и сохранившегося в некоторых элементах и поныне.

Заключительная часть монографии посвящена роли идеологии в формировании внешней политики и написана в традиционном стиле.

КОРЖАНОВСКАЯ Л.Г.

Гордон А.В. КРЕСТЬЯНСТВО ВОСТОКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ, КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ. М.: Наука, 1989. 220 с.

Работа А.В. Гордона адресована широкому кругу читателей, но, пожалуй, особого внимания заслуживает со стороны социологов. Написанная на основе фундаментально проработанного отечественного и зарубежного материала, книга предлагает новые подходы, новое видение крестьян-

ской проблематики, общественно-историческое развитие которой на Востоке «опровергло линейные схемы и в виде буржуазной модернизации — вестернизации, и в виде триумфального шествия социализма» (с. 7).

Современное крестьянство Восток» являет со-

бой такую общность, в которой переплелись признаки обеих мировых общественно-экономических тенденций. Причем этнокультурные аспекты социогенеза преобладают над классово-экономическими характеристиками. Крестьянство Востока становится носителем новой субъектности, и в этом качестве оно выступает не феодальным либо буржуазным классом мелких сельскохозяйственных производителей, а именно общностью, некоей социальностью, этнокультурой — «миром». В этом смысле диалектически противоположным ему оказывается тоже не класс, а другой «мир» — Город, в котором крестьянство видит не столько национальное, сколько международное сообщество. Описывая эту новую социальную реальность, автор пытается представить системообразующее значение государственности не только в качестве политического, но и особого экономического, культурного фактора. Поле размежевания и объединения социальных сил становится в его концепции культурная традиция.

Таковы некоторые методологические принципы, на основе которых развернуто содержание книги. Главное здесь то, что автор стремится преодолеть утвердившееся «дихотомическое» видение современного мира и действующих в нем субъектов. При этом он признает, что как субъект крестьянство Востока, бесспорно, исторически многообразно и действует в разнородном историческом пространстве, которое определяется или как «Исламский мир», или как «Черная Африка», «Индия — мать цивилизаций» и т.д. Вместе с тем этот субъект по сути своей един с крестьянством во всем историческом многообразии его разновидностей. Во многих отношениях это самоочевидно. В то же время углубляя анализ этих разнородностей, автор выходит на фундаментальные категории социальности и ее истории: город и деревня, общество и природная среда, вещные отношения и личные отношения и другие, которые и позволяют ему описать крестьянство в качестве целостной социальной общности.

Переосмысление взаимоотношений природы и общества, преодоление высокомерия завоевателей и потребителей, уверенных в бездонности ресурсов земли, недр, океанов, отказ от установок на беспредельный рост материального производства рождает иное понимание простых непосредственных отношений, личностного общения, полноценное раскрытие повседневности, обыденности форм жизнедеятельности индивида. А это в свою очередь требует разработки нового «измерительного механизма» социальной природы крестьянства, для чего автор обращается уже к качественному анализу социальных параметров исследуемого им субъекта и определению вектора его исторического развития.

Автор приходит к мысли о том, что крестьянин подчинен закономерностям общественной системы, господствующей в социальном, экономическом, культурном пространстве его бытия. «Но

он и „экстerrиториален“ в этом пространстве, „внесистемен“ по отношению к господствующей системе» (с. 34), а потому в социальном отношении у восточного крестьянина может оказаться больше общего с крестьянином другой части Евразийского континента, чем со «своей» аристократией или торговым сословием. «Более того, типология крестьянства постоянно выводит на классово не идентифицируемые общечеловеческие черты» (с. 34).

Именно это обстоятельство побудило автора обратиться к анализу архетипического и исторического в крестьянском сознании, что он и делает прежде всего через рассмотрение аграрной (аграрно-календарной) общинной обрядности, выполнявшей до классового расслоения крестьянства регулирующую функцию в социуме. Общинная обрядность оставила мощный след в мировосприятии крестьянства. Она и сейчас еще не преодолена полностью. Напротив, как подчеркивает автор, эволюционирует и будет существовать до тех пор, пока сохраняются внутренние мировоззренческие предпосылки ее — ощущение тождества человека и окружающего мира: микрокосмоса и макрокосмоса, индивида и социума, общества и природы (с. 68—69).

В культуре крестьянства как такового архетипическое взаимосвязано с историческим, что обуславливает глубину крестьянской культурной памяти, отложившихся в ней произведений фольклора, приемов и форм изделий народных промыслов и т.д. Память как культивируемая связь с прошлым в архетипе крестьянского мировосприятия была единством прошлого и настоящего, и частицей своего существа крестьянин постоянно находился в связи с прошлым. Эта связь пронизывала не только все грани практического труда, но и духовного богатства, накопление которого было аналогично накоплению материальных благ. Двудеинство прошлого-настоящего в крестьянской культуре обнаруживает две тенденции: наслоение нового на старое в процессе эволюции тех или иных представлений и «пересемантизация» старых образов (с. 77—79). По мысли автора, именно крестьянская культура дает возможность «раскопать» прошлое в силу его неискоренимости в ней, увидеть в современной жизни нечто, дошедшее из самого глубокого культурного слоя.

Крестьянской культуре присущи также глубокие ассимиляционные возможности, проявляющиеся в ее взаимодействии с идеологией и религиозными верованиями. «Захватывая чужеродные элементы, наслаивая их на свои глубинные породы, крестьянская культура трансформировала их затем давлением всего своего многослойного комплекса» (с. 100—101), превращая первоначальное содержание порой в противоположность, приспосабливая его к своим потребностям и представлениям. Следует подчеркнуть, вслед за автором, что свою способность перетолкования («пере-

семантизации») господствовавших форм освящения классово-антагонистической действительности в духе борьбы с угнетением крестьянское сознание демонстрировало в различных сферах духовности (с. 20S).

Вряд ли можно усомниться в том, что носителем культурной традиции является социальная общность с присущими ей элементами социальной организации. Исследования показывают соединенные противоречивых организационных принципов в ее основе. Какова же динамика их взаимного приспособления? В чем суть «общинного типа социальности» (с. 104)? По мнению А.В. Гордона, «присвоение крестьянином природных предпосылок своего существования в его сознании выступало в духу ипостасях: в активной форме участия в космогенезе и в пассивной форме принятия судьбы. В обоих случаях целостности естественного процесса соответствовала целостность социального процесса в форме естественной социальности — общности» (с. 105). Вместе с тем в истории прослеживается не только трансформация естественных связей крестьянской общности под влиянием их «обволакивания» связями «гражданского общества», но и противоположное явление — «обволакивание» в условиях крестьянской общности социальных связей, внедряющихся в нее из «гражданского общества» (с. 130). Актуален в этой связи вопрос, вставший в постколониальной истории, о жизнеспособности элементов некапиталистического развития освободившихся стран и прогрессивных потенциалов крестьянской общины. Философско-социологический анализ в рецензируемой работе тесно переплетается с социально-экономическим, особенно в той ее части, где речь идет о крестьянском хозяйстве. Исторически, считает автор, крестьянское хозяйство складывается спонтанно, естественным путем, а потому оно не функционально в обычном смысле. «Смысл его существования, как и существования любой целостности» — мира, общества, организма, — а нем самом, в его самовоспроизводстве» (с. 137). С этих позиций крестьянское хозяйство рассматривается прежде всего как антропологическая категория, ибо смысл его в поддержании и продолжении жизни в буквальном значении, самым естественным способом. «Производственная функция крестьянского хозяйства и воспроизводственная функция крестьянской семьи выступают продолжением одна другой» (с. 139). Вопрос о возникновении и предпосылках сохранения сращенности семьи и хозяйства, слияния воспроизводства жизни и общественного производства в одной ячейке заслуживает специального рассмотрения. Ключевыми для понимания такой сращенности являются, по мнению А.В. Гордона, «морально-экономические» категории, прежде всего «любовь» к природе и труду. За этим

скрыта антропологическая сущность человека, сращенного с природой через труд на земле (с. 151).

В заключительном разделе автор обращается к социально-политическим аспектам крестьянских движений, в том числе к самоопределению субъекта в крестьянских восстаниях. «Крестьяновед, — считает А.В. Гордон, — должен увидеть в восстании продолжение „нормальной“ жизнедеятельности субъекта и одновременно присутствующие в последней элементы социального протеста, сопротивления, борьбы» (с. 160). Рассматривая борьбу в контексте социального взаимодействия противостоящих друг другу субъектов, автор видит, как выявляется природа крестьянства в «непротивленческом» сопротивлении. Нельзя не видеть в то же время, что «у крестьян исторически и культурно весьма различны „допустимый“ уровень „зависимости“ и „необходимый“ минимум „автономности“. В соответствующих культурно-исторических пределах превышение „зависимости“ и снижение „автономности“ воспринимались крестьянами как произвол, угнетение, покушение на устои мира, становились тем самым „порогом терпения“» (с. 166). В этом механизме автор видит переход от «непротивления» к «беспощадному бунту» с присущим ему демонстративным характером. В объяснении «бессмысленной» беспощадности крестьянских восстаний соединяются как бы два плана — «изнутри» и «извне» крестьянского сознания. В крестьянском сознании, взятом «изнутри», хаос и космос взаимопревращались, внешне же это воплощалось в различных областях крестьянского бытия (с. 168—169). Свообразна трактовка автором «мифологии протеста» как специфической культурной традиции, проявляющейся и в форме народных мифов, легенд о «благородных разбойниках», и в более сложных религиозных формах (с. 171—174).

При всей противоречивости и сложности крестьянского мира создается впечатление, что именно он является одним из фундаментальных оснований человеческой цивилизации. Поэтому-то столь драматична по своим последствиям тенденция его разрушения для духовного здоровья формирующихся наций «третьего мира» (в контексте рецензируемой книги), а в более широком плане речь должна идти о перспективах всей человеческой цивилизации. Такая «масштабность» выводов автора представляется вполне правомерной, ибо закончив чтение этой мастерски написанной и глубокой по содержанию работы ощущаешь не только глобальность заложенной в ней постановки вопроса, поистине «всемирной», но и глубокую тревогу за судьбу собственного Отечества, находящегося на очередном «перепутье» решения извечного крестьянского вопроса.

И.А. МАЛЬКОВСКАЯ